

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

АУТЕНТИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И. В. Берестов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
berestoviv@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья является критическим откликом на статью Т. А. Шияна «Возникновение философии как проблема исследования культуры». В своей статье Т. А. Шиян предлагает новую методологию для исследования инокультурных феноменов, которую он называет «аутентизмом». В настоящей статье я показываю, что историко-философские исследования философских текстов минувших эпох (являющиеся инокультурными феноменами) не могут проводиться с использованием предлагаемой Т. А. Шияном методологии. Этот вывод я основываю на том, что в разработанной Т. А. Шияном методологии: 1) отсутствует процедура выявления значений лексических единиц древних философских текстов; 2) отсутствует анализ выявленных в современных дискуссиях о методологии истории философии недостатков антикваризма / историцизма / контекстуализма (разновидностью которых является аутентизм); 3) не учитывается специфика философского текста, на значение лексических единиц которого нельзя указать; это значение может определяться только через систему убеждений написавшего текст философа, но к этой системе у интерпретатора нет доступа.

Ключевые слова: Т. А. Шиян, аутентизм, презентизм, методология истории философии, историцизм, контекстуализм, апроприационизм, семантический холизм, ментальный холизм, семантика философских текстов.

Для цитирования: Берестов, И. В. (2025). Аутентизм как методология историко-философского исследования. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 5-25. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.5-25

AUTHENTISM AS A METHODOLOGY OF HISTORICO-PHILOSOPHICAL STUDIES

I. V. Berestov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
berestoviv@yandex.ru

Abstract. This paper is a critical reply to T. A. Shiyan's paper "The Emergence of Philosophy as a Problem of Culture Studies". In his paper, T. A. Shiyan proposes a new methodology for studying alien cultural phenomena, which he calls "authenticism". In this paper, I show that historical and philosophical studies of philosophical texts of bygone eras (which are alien cultural phenomena) cannot be conducted using the methodology proposed by T. A. Shiyan. I ground this conclusion on the fact that T. A. Shiyan: 1) lacks for an procedure by which the meanings of lexical units of a philosophical texts are determined; 2) lacks for an analysis of the shortcomings of antiquarism / historicism / contextualism (of which authenticism is a kind); these shortcomings have been repeatedly described in modern discussions about the methodology of the history of philosophy; 3) does not take into account the specificity of a philosophical text, although the meaning of lexical units of such a text cannot be specified; this meaning can only be determined through the belief system of the philosopher who wrote the text, but the interpreter does not have access to this system.

Keywords: T. A. Shiyan, authenticism, presentism, methodology of the history of philosophy, historicism, contextualism, appropriationism, semantic holism, mental holism, semantics of philosophical texts.

For citation: Berestov, I. V. (2025). Authenticism as a Methodology of Historico-Philosophical Studies. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 5-25. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.5-25

Изложение аутентизма как методологии историко-философского исследования Т. А. Шияном

Настоящая статья посвящена обсуждению статьи Т. А. Шияна «Возникновение философии как проблема исследования культуры», опубликованной в настоящем выпуске журнала *Respublica Literaria* [Шиян, 2025]. В своей статье Т. А. Шиян говорит о методологии исследования и описания одной культуры представителями другой, иновременной, культуры. Полученные результаты Т. А. Шиян использует для того, чтобы обосновать выбор из нескольких альтернатив одного ответа на вопрос о происхождении философии. В настоящей статье я намерен коснуться только вопроса о методологии исследования культуры (при этом основное внимание я уделю даже еще более узкой теме – вопросу о методологии истории философии), вопроса же о происхождении философии я касаться не буду.

В разд. 3 своей статьи Т. А. Шиян выделяет «центральную проблему, встающую при описании явлений иных и / или иновременных культур». Эта проблема, вероятно, состоит в том, что у нас имеется несколько альтернативных методов описания таких явлений – например, презентизм / антикваризм, представленные в статье «Презентизм и антикваризм – две картины прошлого» [Кузнецова, 2009, с. 165], доводы в пользу которых равноубедительны. В трактовке А. И. Кузнецовой, сторонники презентизма «оценивают историческое событие науки только с точки зрения современного уровня научного знания», а сторонники антикваризма «ставят целью восстановить событие в его исторической подлинности и уникальности» [Кузнецова, с. 165].

Далее Т. А. Шиян цитирует некоторые работы, написанные М. Н. Вольф, А. В. Косаревым и мною, представляя используемое нами разведение двух методологических подходов к истории философии – апроприационизма (присваивающего подхода) и историзма (контекстуализма) [Вольф, 2017, с. 244; Вольф, Косарев, 2016, с. 228; Берестов, 2021, с. 7-8]. В соответствии с приведенными Т. А. Шияном цитатами из этих работ, контекстуалисты требуют трактовать рассматриваемый текст через тщательное изучение ближайшего его контекста (в том числе социального, культурного и проч.). Апроприационисты же требуют трактовать тексты древних философов так, чтобы их можно было встраивать в современные философские дискуссии¹.

Далее в разд. 3 своей статьи Т. А. Шиян переходит к описанию своего собственного подхода к корректному описанию некоторой культуры исследователем, который принадлежит другой культуре.

¹ При этом исследование контекста написания текста не является обязательным: апроприационист «признает только самый минимальный набор ключей, необходимых интерпретатору, чтобы каким-то минимальным образом понять текст» [Вольф, Берестов, 2020а, с. 60].

«Если, описывая физическую или химическую реальность, мы соотносим с ней слова и смыслы, в ней в принципе отсутствующие, то, описывая другую культуру, мы имеем дело с объектом уже самоописанным, самоистолкованным (хотя в некоторых случаях мы и имеем право говорить о ложном самоописании). Поэтому мы можем и должны строить собственный анализ и описание другой культуры, опираясь на ее самоописание. В этом требовании имеется и серьезная онтологическая подоплека, поскольку социальные объекты существуют только постольку, поскольку представители исследуемого сообщества (носители культуры) осознают эти объекты в качестве существующих» [Шиян, 2025, разд. 3].

Ниже Т. А. Шиян предлагает собственное «улучшение терминологии» для обозначения противостоящих друг другу лагерей в методологии исследования одной культуры исследователем, принадлежащим другой культуре. Термин «апроприационизм» ему не нравится в силу «языкового безвкусица» (вряд ли эту критику можно отнести также и к термину «присваивающий подход», часто используемому М. Н. Вольф), а также в силу «узости связываемого с ним содержания (прагматизм, полезность)». Здесь стоит отметить, что апроприационизм предлагает связывать древний философский текст с дискуссиями других авторов, даже писавших на другом языке и в другие эпохи, в том числе с современными дискуссиями. Никакого ограничения «прагматизмом» или «полезностью» для кого-либо у получающейся в результате интерпретации философского текста нет. Также интерпретатор этого текста не обязан преследовать прагматические цели или стремиться к полезности своей интерпретации для чего-либо. Поэтому последнее замечание Т. А. Шияна мне трудно понять.

Термин «апроприационизм» уже используется в дискуссиях о методологии *истории философии* [см.: Lærke et al., 2013, р. 3; Берестов и др., 2019, с. 15], поэтому М. Н. Вольф и я, когда присоединились к этим дискуссиям, также стали его использовать. Т. А. Шиян же обсуждает проблему описания объектов одной культуры исследователем, принадлежащим другой культуре. Конечно, в обоих случаях возникает проблема интерпретации текстов, но методология апроприационизма есть одна из методологий *историко-философского* исследования, а не *культурологического* исследования (или исследования в области *истории культуры*). У историко-философского исследования есть своя специфика, и методология историко-философского исследования обязана ее учитывать, о чем я подробнее напишу ниже, в Обсуждении Тезиса (9).

Термины «антикваризм», «историцизм», «контекстуализм» также не нравятся Т. А. Шияну из-за своей узости, использования только в некоторых направлениях, школах, традициях культурологических или исторических исследований. Т. А. Шиян делает следующий вывод:

«Мне кажется, что подошел бы термин “аутентизм”, указывающий на исследовательскую установку получения максимально аутентичного образа исследуемого инокультурного явления, независимо от его предполагаемого существования в современности или в прошлом исследователя. Такой подход требует опоры на самоописание исследуемой культуры и постоянной проверки рассматриваемых объектов на существование. Таким образом, в качестве

скорректированного варианта вышеописанных оппозиций я предлагаю оппозицию аутентизма и презентизма, где **аутентизм** (жирный шрифт Т. А. Шияна. – И. Б.) (историзм, контекстуализм) – описание иной (иновременной) культуры на ее собственном «языке», выявление культурных, общественных и т. п. явлений, существующих в предметной культуре для ее носителей, а **презентизм** (жирный шрифт Т. А. Шияна. – И. Б.) – проецирование собственных представлений, представлений собственной культуры на иные (иновременные) исследуемые культуры» [Шиян, 2025, разд. 3].

Замечу, что Т. А. Шиян ничего не пишет (по крайней мере, в [Шиян, 2025]) о том, употреблялся ли термин «аутентизм» ранее, и если употреблялся, то какие значения этому термину придавались и какие дискуссии с использованием этого термина велись.

Со ссылкой на А. Тарского (без указания работы), Т. А. Шиян далее проводит различие между **объектным языком** (семантические свойства которого исследуются) и **метаязыком** (языком исследователя, на котором тот описывает объектный язык). Ссылаясь также и на “Principia mathematica” А. Н. Уайтхеда и Б. Рассела² (без указания страниц), Т. А. Шиян утверждает, что для описания любого семиотического объекта необходимо иметь знаковые средства более высокого уровня. Также Т. А. Шиян требует четко различать язык описания, используемый исследователем, и язык самоописания описываемой исследователем культуры. При этом язык описания

«... должен включать в себя специальные семиотические средства для аутентичного писания реалий предметной культуры (специальную терминологию, понятийный аппарат и иные средства) (курсив Т. А. Шияна. – И. Б.). В качестве таких специальных средств могут выступать либо напрямую лексика языка предметной культуры (и иные знаковые средства из нее), либо специально построенный аппарат языка описания, представляющий в этом языке знаковые средства предметной культуры. Такой аппарат обычно формируется путем транслитерации средствами родного или латинского алфавитов, транскрипции, калькирования ...» [Шиян, 2025, разд. 4].

Т. А. Шиян далее проводит различие между эмпирическими и теоретическими терминами, ссылаясь на Венский кружок и на [Крафт, 2003]. По Т. А. Шияну, эмпирические термины могут быть «остенсивно» определены. Предложения, содержащие только эмпирические термины и логические связки, называются эмпирическими. Примеры эмпирического предложения – в такое-то время, в таком-то месте, такая-то стрелка, такого-то прибора отклонилась с такой-то отметки до такой-то отметки; в такой-то рукописи, хранимой там-то и там-то, в таком-то месте написано то-то и то-то. Видно, что Т. А. Шиян при разведении теоретических и эмпирических терминов не принимает во внимание зависимость значений эмпирических терминов от теории, в рамках которой формулируются эмпирические предложения. Иначе говоря, им не принимаются во внимание бурные дискуссии второй половины XX в. о теоретической нагруженности эмпирических терминов и эмпирических предложений.

² См. русский перевод в трех томах [Уайтхед, Рассел, 2005-2006].

Завершая разд. 4, Т. А. Шиян пишет в последнем абзаце этого раздела:

«... корректное исследование иной (иновременной) культуры – дело «рекурсивное» (некоторые называют это кругом или спиралью), подразумевающее постоянные переходы между несколькими фазами исследования и описания. Переход (1) от эмпирических данных (терминов, утверждений) исследователя к языку самоописания исследуемой культуры, (2) от критики терминов самоописания предметной культуры к выработке исследователем предметно (эмпирически) ориентированной терминологии описания, (3) от теоретических и предметно ориентированных терминов языка описания назад к их проверке и соотнесению с эмпирическими данными и терминами самоописания предметной культуры» [Шиян, 2025, разд. 4].

Ниже я кратко сформулирую методологические тезисы Т. А. Шияна и кратко их прокомментирую.

Обсуждение Тезиса (1)

- (1) Центральная методологическая проблема в исследовании объектов иных культур (имеющаяся также и в историко-философских исследованиях) – проблема выбора между методологией аутентизма и методологией презентизма (как их определяет Т. А. Шиян: **аутентизм** (историзм, контекстуализм) – описание иной (иновременной) культуры на ее собственном «языке», выявление культурных, общественных и т. п. явлений, существующих в предметной культуре для ее носителей, а **презентизм** – проецирование собственных представлений, представлений собственной культуры на иные (иновременные) исследуемые культуры).

Как я уже писал выше, методологические подходы к исследованию иных культур не исчерпываются аутентизмом и презентизмом. Например, одним из методологических направлений в истории философии (я полагаю, что философия некоторого сообщества из некоторой эпохи является частью культуры этого сообщества из этой эпохи) является апроприационизм. Апроприационист *не «проецирует»* свои представления на древнего философа, он лишь полагает, что значением древнего философского текста является та роль, которую аргументы из этого текста играют или могут играть в современных философских дискуссиях [Берестов и др., 2019, с. x-xii, 9-15, 93-101].

Таким образом, попытка Т. А. Шияна свести апроприационизм к презентизму несостоятельна в силу их определений. Замена термина «апроприационизм» на термин «презентизм» не является всего лишь «улучшением терминологии», как полагает Т. А. Шиян в разд. 3, но является заменой одного понятия на существенно отличающееся от него понятие. Так что дилемму «аутентизм либо презентизм» вряд ли можно считать удачной формулировкой «центральной методологической проблемы» в исследовании объектов иных культур, поскольку дилемма «аутентизм либо презентизм» является *ложной дилеммой*.

Обсуждение Тезиса (2)

- (2) Ни один из видов апроприационизма, общая характеристика которых состоит в том, что они не предлагают реконструировать то, что древний философ думал «на самом деле», а также не предлагают приписывать современные представления или собственные концепции историка философии древнему философу, но лишь рекомендуют встраивать аргументы из древних философских текстов в современные философские дискуссии, не является одной из приемлемых историко-философских методологий и не может быть одной из альтернатив, выбрать между которыми предлагается в формулировке *центральной методологической проблемы в исследовании объектов иных культур* из Тезиса (1).

В статье Т. А. Шияна не содержится аргументов, доказывающих неприемлемость *любых* видов апроприационизма, общая характеристика которых понимается так, как она описана в Тезисе (2). В соответствии с моим подходом [Берестов и др., 2019, с. 90-145; Берестов, 2021, с. 29-96], неприемлемыми можно считать те разновидности апроприационизма и контекстуализма, которые настаивают, что *философский текст имеет значение одного и только одного типа*, а именно, ту роль, которую играет выраженная в этом тексте философская аргументация в современных философских дискуссиях (разновидность апроприационизма), либо то значение лексических единиц текста, которое реконструируется историком философии с помощью ближайшего *контекста написания* этого текста, т. е. с учетом тех текстов, написанных учителями философа, написавшего рассматриваемый философский текст, учениками этого философа, его критиками, последователями и современниками, а также *содержания* этих текстов; при этом принимаются во внимание социальные, культурные, политические ситуации, в которые был вовлечен автор текста (разновидность контекстуализма). Но допущение *философский текст имеет значение одного и только одного типа* может быть отброшено [Там же], и те виды апроприационизма, которые отбрасывают это допущение, не подвержены приведенной критике.

Также неприемлемой можно назвать ту разновидность апроприационизма, которая приписывает древним авторам современные концепции. Эту разновидность апроприационизма можно назвать презентизмом. Но такое приписывание, опять-таки, не требуется для того, чтобы методология была признана одной из апроприационистских методологий, и далеко не все виды апроприационизма осуществляют это приписывание. В том виде апроприационизма, который я предлагал развивать в предыдущих работах, это приписывание просто невозможно осуществить. А именно, в формальной семантике, которую я разрабатывал на основе «перспективалистской семантики» В. Эдельберга, объекты систем убеждений любых двух различных агентов (например, автора философского текста и другого философа или историка философии, осмысляющего этот текст) различны [Берестов, 2018, с. 76-77; Берестов, 2019, с. 71-72; Берестов и др., 2019, с. 113; Берестов, 2021, с. 63-64; 144].

Обсуждение Тезиса (3)

- (3) Презентизм – как методология исследования объектов иных культур – не приемлем.

С Тезисом (3) я не спорю. В соответствии с определением Т. А. Шияна, презентист приписывает автору, принадлежащему другой культуре, свои собственные представления или представления своей собственной культуры, т.е. утверждает, что именно эти представления и являются тем, что этот автор думал «на самом деле». Я не знаю, как можно было бы обосновать Тезис (3).

Обсуждение Тезиса (4)

- (4) Аутентизм – как методология исследования объектов иных культур – приемлем.

Приемлемость аутентизма с моей точки зрения сомнительна, что можно показать с помощью нескольких аргументов. Довольно общие аргументы в пользу сомнительности методологии аутентизма связаны с самой претензией аутентизма реконструировать то содержание, которое автор инокультурного текста «на самом деле» вкладывал в свой текст. Эта характеристика аутентизма роднит его с историцизмом и контекстуализмом, как они понимались в [Берестов, 2021, с. 8-9, 36-37, 40-54]. Этого достаточно, чтобы аутентизм наследовал те основные недостатки историцизма и контекстуализма, которые обсуждаются в современных дискуссиях о методологии истории философии. Обсуждая Тезис (4), я приведу только общие аргументы, стремящиеся показать сомнительность аутентизма, основывающиеся на тех аргументах против историцизма и контекстуализма, которые анализировались в [Берестов, 2021, с. 42-47]. Другие аргументы в пользу сомнительности методологии аутентизма связаны с частностями аутентизма, описанными в Тезисах (5)–(8): эти аргументы я приведу ниже при обсуждении этих тезисов.

Общие аргументы, показывающие сомнительность таких направлений, как аутентизм, контекстуализм, историцизм, общей характеристикой которых является стремление реконструировать то, что думал автор анализируемого философского текста «на самом деле» (или представить максимально близкую или правдоподобную реконструкцию того, что думал автор «на самом деле»), можно представить в следующем виде.

- (а) *У интерпретатора древнего философского текста **нет оснований** для отождествления тех значений лексических единиц, которые интерпретатор приписывает тексту древнего философа, с теми значениями, которые им приписывал сам автор этого текста.*

Действительно, объекты, конструируемые философом, не могут быть заданы остенсивно, они определяются только через другие объекты в системе убеждений этого философа. Поэтому у интерпретатора нет доступа к этим объектам, ему доступны слова в написанном философом тексте, но не значения слов. Классическое обоснование невозможности передать с помощью слов значения слов в силу того, что мы слышим произнесенные и видим написанные, но значение, которое вкладывает в написанные или

произнесенные слова автор текста или говорящий, не воспринимается ни одной нашей познавательной способностью, было представлено Горгием Леонтийским³. Учет других текстов, составляющих релевантный контекст исследуемого философского текста, просто делает анализируемый текст больше и не решает проблемы. Так что составление интерпретатором философского словаря с переводом слов из текста исследуемого философа на язык интерпретатора (в терминологии Т. А. Шияна – с языка *самоописания* на язык *описания*) невозможен.

- (b) У интерпретатора древнего философского текста **нет объектов**, с которыми могли бы быть отождествлены те значения лексических единиц, которые им приписывал сам автор этого текста.

Действительно, поскольку объекты философской системы древнего философа определяются только друг через друга и не могут быть определены остенсивно, система философских убеждений древнего философа является холистической⁴, а значит, в силу *Принципа нестабильности* (*Instability Principle*) незначительное различие в характеристиках одного объекта означает различие во всех конститuentах всей холистической системы⁵. Поскольку системы убеждений современного интерпретатора древнего философского текста и автора этого текста различаются, ни один объект из системы убеждений интерпретатора не совпадает с каким-либо объектом из системы убеждений автора⁶.

- (c) Но что, если признать, что интерпретатор может описать любой возможный мир с любыми объектами, их свойствами и отношениями? Пусть интерпретатор **описал** такой мир в соответствии с текстом древнего философа; но в силу того, что философские объекты не могут быть заданы остенсивно, не может быть обосновано, что какая-либо **интерпретация** лексических единиц из этого описания совпадает с той их интерпретацией, которую придавал им автор этого текста, о чем говорилось в п. (a).

³ См. трактат Псевдо-Аристотеля «О Мелиссе, Ксенофане, Горгии» (*De Melisso Xenophane Gorgia, MXG*): *MXG cap. VI*, 980a19-980b8, § 21-22. Ссылки на *MXG* даются по [Bekker, 1831]. Исправленное издание древнегреческого текста *MXG* [см. в: Вольф, 2014а, с. 232-234; русский перевод см. в: Вольф, 2014а, с. 235-238]. Перевод *MXG* на рус. яз. и необходимые комментарии приведены также в статье [Вольф, 2014б]. В указанных работах М. Н. Вольф также приведен детальный анализ весьма сложной аргументации трактата и ее философский анализ. Обсуждение того, что для передачи читателю значения знака недостаточно передать сам знак [см.: Вольф, Берестов, 2020б, с. 12; Вольф, Берестов, 2020а, с. 65].

⁴ Это означает признание *ментального холизма*; варианты ментального холизма отстаиваются в [Harrell, 1996; Neal 1994; Block 1986; Block, 1993; Block, 1994; Harman 1973; Esfeld, 1998; Esfeld, 2001].

⁵ О *Принципе нестабильности* см. подробнее в [Jackman, 1999]. О том, что система убеждений человека является холистической, и, в силу этого, удовлетворяет *Принципу нестабильности* [см.: Esfeld, 2001, pp. 26; 49-50].

⁶ Этот аргумент тоже восходит к Горгию, *MXG VI*, 980b19, § 26: «... никто не мыслит то же самое, что и кто-то другой». См. также: «... никто не понимает слово “кошка” так, как его понимаю я, если он или она не разделяет все мои убеждения» [Neal, 1994, p. 330]. В результате, для успешной интерпретации текста необходимо, чтобы сознание интерпретируемого автора полностью заместило сознание интерпретатора [Вольф, Берестов, 2020б, с. 35; Вольф, Берестов, 2020а, с. 65-66], что вряд ли реализуемо.

Можно ли рассматривать аргументы (а), (b) и (с) вместе с Тезисом (3) о неприемлемости презентизма в качестве довода в пользу апроприационизма⁷? Рассмотрим любопытный аргумент, стремящийся показать, что признание нереализуемости аутентизма (контекстуализма, историцизма) влечет признание нереализуемости апроприационизма.

(d) Допустим, что на основании аргументов (а), (b) и (с) мы заключили, что значение лексических единиц текста древнего философа невозможно установить. Значит, все, что у нас есть – знаки на бумаге, лишенные какого-либо содержания. Следовательно, мы не можем установить аргументацию древнего философа. Следовательно, мы не можем применить аргументацию древнего философа в современных философских дискуссиях, как того требует апроприационизм.

Этот довод весьма интересен: он обращает критику апроприационистов, направленную на контекстуалистов, на самих апроприационистов, и, кажется, чем успешнее критика апроприационистов и чем сильнее их доводы, тем надежнее апроприационисты опровергают сами себя. Однако и на этот аргумент можно ответить, если принять такой способ наделения слов аргументирующего философского текста значением, который можно назвать весьма радикальной версией апроприационизма. Я постараюсь написать ответ кратко, не погружаясь в технические подробности [технические детали изложены, напр., в: Берестов, 2018; Берестов, 2019; Берестов и др., 2019, с. 90-145; Берестов, 2021, с. 29-96].

Значение термина из философского текста можно построить как множество S объектов, частично упорядоченных отношением \prec , " $a \prec b$ " читается как «объект b вторичен по отношению к объекту a ». Каждый объект в S есть упорядоченная пара из философской работы или ее фрагмента, в которой обсуждается понятие, выраженное философом с помощью некоторого термина и самого этого термина. Иначе говоря, каждый объект в S есть функция от контекста употребления философом некоего термина к этому термину, причем всем терминам из области значения этой функции соответствует одно и то же понятие⁸. В разных контекстах философ может выражать одно и то же (с точки зрения интерпретатора) понятие различными терминами. «Термином» здесь может быть не только существительное («благо»), определенная дескрипция («высшее благо», «сущее поскольку оно сущее»), но и более сложные конструкции: предложение или упорядоченный набор предложений, выражающих тезис, аргумент, посылку, правило вывода, аргументационную схему, опровержение аргумента (тезиса), подтверждение аргумента (тезиса). Если термин a используется в аргументе b , а аргумент b опровергается аргументом c , то производным значением термина a является множество S , в котором присутствуют три объекта a, b, c , такие, что $a \prec b \prec c$ ⁹. Можно определить и другие типы значений терминов.

⁷ Некоторые из доводов в пользу апроприационизма уже были представлены выше, в Обсуждении Тезиса (2).

⁸ Иной способ придания базового значения лексическим единицам философского текста, описывающего систему убеждений агента, так, чтобы это базовое значение только от этого текста и не зависело от обстоятельств написания этого текста, других текстов, а также от того содержания, которое вкладывал в текст его автор, представлен в [Вольф, Берестов, 2020б, с. 21-31].

⁹ Замечу, что принятие указанного способа построения производного значения позволяет удовлетворить желание многих аналитических философов расположить философские позиции внутри «логического

Понятно, что так определенное значение термина зависит от формального языка, на который переводятся исходные философские тексты, а также от того, как интерпретатор решает вопрос о тождестве и различии понятий, выраженных различными терминами, от того, какие философские тексты различных философов используются для построения значения и многих других факторов; коротко говоря, значение термина зависит от избираемой интерпретатором модели для избранного интерпретатором формального языка. И так определенное значение термина не есть то, что вкладывал в него сам автор философского текста, но зависит от интерпретатора¹⁰. Тем не менее, предложенный способ конструирования значения термина позволяет отклонить вывод из (d), что для апроприациониста значение не может быть сконструировано, поскольку чтобы поместить значение текста древнего философа в современные дискуссии, необходимо иметь в своем распоряжении значение этого текста, а оно недоступно. Этот вывод из (d) преодолевается посредством отказа назначать термину древнего философа в качестве значения то, что этот философ думал «на самом деле», и того, что значением термина объявляется сам этот термин – точнее, его эквивалент на формальном языке интерпретатора. Формальный язык здесь – нечто вроде *Lingua universalis*, язык, позволяющий обсуждать тексты, написанные на различных языках.

Обсуждение Тезиса (5)

- (5) С использованием методологии аутентизма возможно получить *максимально аутентичный образ исследуемого инокультурного явления*, для чего используется эмпиристская методология изучения текста инокультурного автора.

Получение *максимально аутентичного образа исследуемого инокультурного явления* выглядит проблематичным.

Во-первых, исследователь имеет дело со своей предметной областью, обусловленной его собственным научным или культурным контекстом, предметная же область автора исследуемого текста совершенно иная. Поэтому исследователь не может говорить о тех же объектах, что и исследуемый или автор интерпретируемого текста, не может выразить то, что имел в виду автор исследуемого текста «на самом деле» из-за холистичности философской системы философа, который не может *указывать* на свои объекты, а может лишь *описывать* их, и потому текст, выражающий философскую систему философа, имеет лишь *узкое содержание, narrow content* (т. е. интерпретацией лексических единиц такого текста являются только ментальные объекты), и лишен *широкого содержания, wide content* (т. е. интерпретацией лексических единиц такого текста не могут быть референты

пространства»: «Взгляд на аналитическую философию как на располагающую “позиции” внутри логического пространства поднимает вопрос о том, откуда эти “позиции” появились. “История темы” является частью ответа» [Sorell, 2005, p. 59]. При построении *производного значения* «логическое пространство» следует понимать как «пространство аргументации», а «историю темы» как историю конструирования аргумента из его конститuent – из понятий, тезисов, аргументов.

¹⁰ Обсуждение неизбежности вклада интерпретатора (читателя) в процесс наделения текста смыслом обсуждает Р. Рорти в [Eco et al., 1992, p. 93; см. также: Вольф, Берестов, 2020а, с. 61-62].

из реального мира)¹¹. Эти доводы изложены во многих исследованиях¹², в том числе в цитируемой Т. А. Шияном работе А. И. Кузнецовой [Кузнецова, 2009, с. 180, 184, 187]. См. также Обсуждение Тезиса (4), аргумент (b), выше.

Во-вторых, даже если допустить, что исследователь способен сконструировать *любые* объекты для моделирования предметной области автора исследуемого текста, это не поможет выяснить то значение, которое должно быть назначено лексическим единицам интерпретируемого текста; см. аргумент (d) в Обсуждении Тезиса (4) выше.

В-третьих, выражение «максимально аутентичный образ» подразумевает, что у нас есть критерии, в соответствии с которыми полученный образ является максимально аутентичным. Означает ли это, что мы должны сравнить то, что думал автор текста «на самом деле» с полученными образами и выбрать наиболее близкий образ (если таковой существует)? Если на этот вопрос дается ответ «да», то стоит обратить внимание на следующее. Чтобы сравнить что-то с чем-то, нам должны быть доступны сравниваемые объекты. Это означает, что мы должны знать, что думал автор интерпретируемого текста «на самом деле». Но это невозможно в силу предыдущих двух пунктов. Следовательно, ответ «да» неприемлем. Если же на предложенный вопрос дать ответ «нет», то нужны другие ясные критерии «максимальной аутентичности» образа. Таких критериев в статье Т. А. Шияна нет.

Обсуждение Тезиса (6)

(6) В соответствии с аутентистской методологией, характеризующие социальную реальность **объекты** (любого порядка, т.е.: [1] единичные объекты или объекты первого порядка, не являющиеся свойствами и отношениями какого-либо порядка; [2] свойства объектов первого порядка и отношения между объектами первого порядка; [3] свойства объектов первого порядка и свойств первого порядка и отношений первого порядка, отношения между объектами первого порядка и свойствами и отношениями первого порядка; [4]...), являющиеся значениями лексических единиц инокультурного текста, **существуют только постольку, поскольку автор этого текста осознает их в качестве существующих**; этот тезис основывается на определении аутентизма из Тезиса (1).

Замечу, что следствием такого подхода Т. А. Шияна, на мой взгляд, является запрет на существование отношений между объектами разных культур, кросс-культурных связей между такими объектами. Действительно, отношение между объектами разных культур

¹¹ Подробнее об узком содержании и широком содержании, существующих подходах к ним и полемике о них [см.: Моисеева, 2016; Field, 1978, p. 44; Fodor, 1973; Block, 1986].

¹² Среди реальных фигур, признающих холистичность каждой философской системы, выраженной в тексте, можно назвать Марка Бивира, прямо называющего себя «семантическим холистом» [Бивир, 2010, с. 121] и утверждающего, что для контекстуалистов Дж. Покока и Кв. Скиннера философские понятия «не могут удерживать соответствующую идентичность сквозь контексты», так что эти авторы также «отрицают наличие исконных проблем в истории идей» [Бивир, 2010, с. 121], т.е., как можно предположить, каждая проблема со своим контекстом образует для этих авторов холистическую систему, такую, что каждый объект одной системы отличается от любого объекта другой системы, см. Обсуждение Тезиса (4), аргумент (b), выше. Также среди историков философии, предположительно признающих холистичность философских систем или их групп, можно назвать Джона Германа Рэндалла, утверждающего, что «проблемы одного столетия, в конечном счете, не имеют отношения к проблемам другого» [Randall, 1962, p. 7].

в соответствии с теоретико-модельным подходом может быть представлено как множество, состоящее из *n*-ок объектов разных культур, и такие множества не были описаны авторами, которые писали тексты в рамках своих культур. Такие множества создает лишь интерпретатор текстов разных культур, и он их создает именно тем, что описывает отношения между объектами разных культур так, как эти отношения ему видятся. Тем самым интерпретатор создает «новые объекты» или «фиктивные объекты», которые Т. А. Шиян создавать запрещает.

Применительно к философским текстам различных эпох это означает, что мы можем лишь *цитировать* текст древнего философа, и переложение его на современный язык, комментирование, истолкование, исследование содержащейся в этом тексте аргументации неприемлемо постольку, поскольку все это *соотносило* бы язык древнего текста и его объекты с современным языком и его объектами, а такие *отношения* не выражены в исходном тексте. Более того, исходный текст не может *пересказываться* даже на том языке, на котором он написан, ведь любой пересказ явно не выражен в исходном тексте.

Коротко говоря, для истории философии следствием подхода Т. А. Шияна является то, что Клод Паначчио резюмирует в трех тезисах, с его точки зрения излагающих «обобщенную» позицию историцистов и контекстуалистов:

1. *Радикальный холизм* – в любой философской системе любое утверждение неразрывно связано со всеми остальными утверждениями¹³.

2. *Радикальный релятивизм* – любая философская система всецело принадлежит тому историческому контексту, в котором она сформировалась.

3. *Радикальный дисконтинуизм* – невозможно встать на точку зрения философов былых эпох, чтобы обсудить истинность их утверждений, поскольку произошла радикальная смена всех условий философской работы [см.: Рапассио, 1994, pp. 19; позиция К. Паначчио излагается по: Флаш, 2009, с. 235].

Обсуждение Тезиса (7)

(7) В результате применения аутентистской методологии получается *интерпретированный* текст исследователя, написанный на *языке описания* исходного инокультурного текста, являющегося *метаязыком* по отношению к языку исходного текста (т. е. к *языку самоописания* иной культуры), и на этом *языке описания* описываются объекты, максимально точно совпадающие с теми объектами, которые *сам* автор исходного текста приписывал лексическим единицам своего текста.

Замечу, что в теоретико-модельном подходе, разработанном на основании разведения А. Тарским (на которого ссылается Т. А. Шиян) объектного языка и метаязыка, формулы *одного и того же* объектного языка могут быть проинтерпретированы в рамках *различных* моделей. Язык без модели является *неинтерпретированным*. Если в теоретико-модельном подходе метаязык служит для назначения значений лексическим единицам объектного языка, то у Т. А. Шияна, как кажется, метаязык не имеет этой функции, на нем просто пересказывается текст, написанный на объектном языке.

¹³ Также о холистичности системы убеждений философа см. Обсуждение Тезиса (4), аргумент (b) и Обсуждение тезиса (5) выше.

Насколько я понял подход Т. А. Шияна, современному исследователю текстов иных культур разрешено на своем языке описания составлять эмпирические предложения вида «в такой-то рукописи, хранимой там-то и там-то, в таком-то месте написано то-то и то-то (следует цитата на оригинальном языке рукописи, т. е. на языке самоописания культуры в терминологии Т. А. Шияна)». Также современному исследователю разрешено составлять теоретические предложения, содержащие теоретические термины, вырабатываемые на основании значения эмпирических терминов (вероятно, можно сказать, что они вырабатываются в процессе изучения оригинальных текстов). И здесь сразу же стоит заметить, что предписание Т. А. Шияна (разд. 3) не вводит посредством определений либо другими способами новые объекты, помимо тех, о которых идет речь в оригинальном тексте, невыполнимо. Ведь домены значений эмпирических терминов и теоретических терминов не пересекаются.

Но гораздо более обескураживающим является то, что, по Т. А. Шияну, современный исследователь, используя аутентистскую методологию, может получить текст на интерпретированном языке описания. При этом никакого метода выяснения значения терминов на языке самоописания культуры в статье Т. А. Шияна не предлагается. Прочитать древнюю рукопись не означает передать ее смысл, дать интерпретацию входящим в нее терминам; передать слова не означает передать их смысл, как отметил еще Горгий¹⁴. Таким образом, то предложение, которое Т. А. Шиян приводит в качестве примера эмпирического предложения, не подразумевает, что цитате из древней рукописи, присутствующей в этом предложении, дана какая-либо интерпретация. Если же у эмпирических терминов отсутствуют значения, то невозможно построить и значения теоретических терминов, ведь значения последних основываются на значениях эмпирических терминов.

Итак, аутентист может описать состояние источников, указать на различия в сохранившихся рукописях, указать, кто и где использовал сходные по написанию термины и фрагменты текста. Но метода, позволяющего выявить смысл текста, у аутентиста нет.

Обсуждение Тезиса (8)

- (8) В соответствии с аутентистской методологией, в процессе конструирования исследователем своего интерпретированного текста на языке описания многократно выдвигаются, проверяются, отбрасываются и выдвигаются новые гипотезы о терминологии этого текста, а также о значении терминов этого текста и исходного текста.

Многое из того, что следует сказать об аутентистской методологии, уже сказано выше, в Обсуждении Тезиса (7). Т. А. Шиян рассуждает так, как будто значения терминов текста на языке самоописания уже известны исследователю. Но они не даны, и как их выявить Т. А. Шиян не пишет. Не имея этих значений, невозможно проверить, являются ли значения терминов языка интерпретатора, «лишними» объектами, невозможно уточнить значения терминов на языке самоописания с помощью других текстов, невозможно с использованием

¹⁴ См. MXG VI, 980a19-980b8, § 21-22; об этом уже шла речь выше, в Обсуждении Тезиса (4), аргумент (a).

всего этого подобрать адекватные термины на языке описания и назначить им значение, максимально близкое к значению терминов на языке самоописания, и т. д. Методология, имеющая своей целью выявление значений терминов, может быть связана, например, с герменевтикой и неизбежным герменевтическим кругом, «вчувствованием», каковой метод в «Презентизм и антиквариизм – две картины прошлого» [Кузнецова, 2009, с. 180] справедливо обвиняется в отсутствии критериев того, привел ли этот метод к успеху и в отсутствии ясного описания того, как именно следует действовать, чтобы «вчувствоваться», и т. д.

Замечу, что новейшую версию герменевтики предлагает Э. Бетти, для которого интерпретация является общегуманитарным *научным* методом, который, с точки зрения Э. Бетти, дает «объективные» результаты (в отличие от собственно философских методов, которые не используются в других дисциплинах), защищенные от дальнейших возражений [Бетти, 2011, с. 2]. По Э. Бетти, герменевтика «должна иметь характер науки, но не философии, и, следовательно, не должна быть причислена ни к какой философской системе» [цит. по: Россиус, 2015, с. 131; см. также обсуждение герменевтики Э. Бетти в: Вольф, Берестов, 2020а, с. 60-61]. Видно, что Э. Бетти преследует цель создать *универсальный* научный или «объективный» общегуманитарный метод, тогда как Т. А. Шиян преследует цель создать *ограниченный по изучаемым явлениям* научный или «объективный» общегуманитарный метод, а именно – ограниченный изучением текстов иных культур. Э. Бетти строит свой метод «романтической герменевтики», полемизируя с «философской герменевтикой» Х.-Г. Гадамера, тогда как Т. А. Шиян вообще не упоминает герменевтику. Ниже я еще коснусь оценки эффективности использования предлагаемого Э. Бетти метода интерпретации текстов для интерпретации философских текстов.

Методы, подобные герменевтике, нестроги и имеют много известных недостатков, но, кажется, без них трудно обойтись историцистам, контекстуалистам и аутентистам при интерпретации философских текстов. Однако Т. А. Шиян не присоединился к уже известным методам определения значения философского текста и не предложил своего метода, хотя без этого аутентизм не является конкурентом уже известным методам – историцизму, контекстуализму, апроприационизму.

Обсуждение Тезиса (9)

- (9) Специфика философских текстов (какова бы она ни была) не препятствует наличию *общепризнанных* критериев, в соответствии с которыми философские тексты: а) можно признать осмысленными – т. е. такими, что составляющие их лексические единицы имеют *некоторое* значение (не обязательно имеется процедура, позволяющая его определить); б) составляющие их лексические единицы имеют *определяемое* значение, которое может быть реконструировано или построено интерпретатором при наличии благоприятных обстоятельств, дополнительной информации, дополнительных текстов на том же языке.

Насколько я могу судить, Тезис (9) подразумевается Т. А. Шияном, поскольку он разрабатывает свою методологию для исследования иных культур, в том числе для исследования философских текстов минувших эпох. Тезис (9) есть необходимое условие для

истинности утверждения Т. А. Шияна о том, что существует некоторый общегуманитарный метод (а именно, аутентизм), позволяющий исследовать феномены иных культур (по отношению к культуре исследователя).

Известно возражение П. Кинга против возможности представить контекстуалистскую интерпретацию философского текста через интерпретацию других текстов, составляющих контекст этого исходного текста¹⁵. Также известны возражения, указывающие на невозможность для контекстуалистов как-либо соотносить друг с другом содержание философских текстов различных эпох, обсуждать, оспаривать и защищать тексты одной эпохи историком философии, работающим в другую эпоху, описывать содержание текстов одной эпохи на языках настоящего времени, с использованием современного концептуального аппарата. Все это сугубо философские аргументы. Как было отмечено в [Вольф, Берестов, 2020а, с. 63-64], теории интерпретации (истолкования) текстов, предлагаемые Э. Бетти и У. Эко,

«... оказываются чувствительны к ряду скептических, сугубо философских аргументов. На наш взгляд, эти аргументы касаются в целом слабых мест герменевтики, независимо от их конечных целей. Другие гуманитарные науки могут или игнорировать эти скептические аргументы, или, чувствуя проблему, считать ее тем не менее решаемой».

То же можно сказать также и о подходах историцизма и контекстуализма вообще. Эти подходы не могут не включать в себя тот или иной вариант герменевтики. То, что Т. А. Шиян ничего не пишет о необходимости герменевтики, не освобождает аутентиста от необходимости как-то объяснить, как именно мы приходим к постижению смысла инокультурного текста; никакими *эмпирическими предложениями*, описывающими инокультурные текстовые документы и другие артефакты, этого достичь невозможно. И возможно, что для других – по отношению к философии и ее истории – гуманитарных наук очерченные проблемы с интерпретацией текста могут быть обойдены. Можно принять, что древний текст является осмысленным, если и только если составляющие его символы повторяются в соответствии с некоторыми принятыми в лингвистике критериями. В этом случае нет нужды как-то понимать текст, понимать значение составляющих его символов.

Далее, работая в области *нефилософских* наук, исследователь может признавать осмысленными (хотя, может быть, ложными или не истинными, или не могущими быть оцененными на истинность) древние научные теории. При этом исследователь может быть убежден в том, что референты у некоторых терминов в текстах, выражающих эти теории, отсутствуют, или исследователь может не иметь в своем распоряжении формально-семантической теории для этих текстов. Философы же, разумеется, могут признавать древние научные теории бессмысленными.

¹⁵ По П. Кингу, мы не можем осмысленно высказываться об убеждениях философов минувших эпох: если значения их текстов определяются ближайшими к ним текстами *et vice versa*, то как современный историк философии может определить их значение, ведь значение ни одного из текстов, окружающих исследуемый текст, не известно ему непосредственно, а значит, он вынужден использовать для получения значения одного текста значения других текстов из контекста этого текста и т. д. (что грозит бесконечным регрессом), а для получения значений текстов из контекста он вынужден использовать все еще неизвестное ему значение исходного текста (что грозит порочным кругом)? [King, 1995, pp. 210-212, 228].

Т. Кун в работе «Структура научных революций» [Кун, 2009] утверждал, что различные – скажем, физические – теории могут быть несоизмеримыми (*incommensurable*), но это не означает, что тексты, описывающие эти теории, признаются *физиками* бессмысленными. Философы, конечно, могут признавать бессмысленными их все.

Математики могут создавать теории, выраженные в текстах, которые они отнюдь не считают бессмысленными. При этом *философы* математики могут спорить о том, существуют ли математические объекты, и для них утверждение об осмысленности этих текстов и утверждения о значении используемых в этих текстах символов не являются бесспорными. Таким образом, в *нефилософских* науках можно говорить об осмысленности текста даже без наделения значением его лексических единиц.

Исследователи, работающие в *нефилософских* науках, могут признавать, что перевод некоторых *нефилософских* текстов возможен, поскольку они содержат термины, указывающие на вещи, о которых у нас (как и у автора текста) есть знание через знакомство или через непосредственное указание. Правда, известные рассуждения У. В. О. Куайна [Quine, 2013] показывают, что у нас никогда нет гарантии окончательного установления значения лексических единиц инокультурной устной речи (то же можно сказать и о написанном тексте), даже если нам указывают на предметы для объяснения их значения. Но *нефилософские* науки могут руководствоваться своими критериями для признания текста осмысленным, и своими методами для выявления значений его лексических единиц. Философы же обязаны принимать рассуждения У. В. О. Куайна всерьез, а это делает невозможным принятие *общепринятых* критериев для установления значений лексических единиц текста.

Ситуация с интерпретацией философских текстов даже хуже, чем та, что описана в работах У. В. О. Куайна, поскольку на значение лексических единиц философского текста не может *указать* ни его автор, ни его читатель. Кроме того, философы способны ввести несколько видов бессмысленности (как сделал Л. Витгенштейн), затем выдвинуть аргументы в пользу признания любого философского текста (и не только философского) бессмысленным в любом значении слова «смысл», а также доказывать, что содержание любого текста недостижимо – по крайней мере, для всех, кто не является его автором.

Конечно, философы могут создать (и создали) множество теорий интерпретации философских и нефилософских текстов, но все они не являются бесспорными, не защищены от возражений со стороны других теорий и изложенных выше скептических возражений. Значит, упомянутый выше *общегуманитарный научный* метод интерпретации текстов Э. Бетти, который, с точки зрения Э. Бетти, дает «объективные» результаты, защищенные от дальнейших возражений [Бетти, 2011, с. 12], следует признать не работающим при интерпретации *философских* текстов. На тех же основаниях следует признать не работающим при интерпретации философских текстов других эпох и аутентизм Т. А. Шияна.

Замечу, что апроприационизм не имеет претендующего на общее признание критерия, в соответствии с которым устанавливается осмысленность интерпретируемого философского текста. Также апроприационизм не имеет претендующего на общее признание способа, позволяющего выявить значения лексических единиц философского текста. При этом апроприационизм – в отличие от историцизма, контекстуализма, аутентизма – не претендует на обладание таким критерием и таким способом.

Предпринятый в настоящей статье анализ проблем, возникающих при интерпретации философских текстов других эпох, проведен в настоящей статье в соответствии с методологическими подходами, начавшими развиваться после «семантического поворота», совершенного, согласно А. Коффе, в 1925–1935 гг. рядом группировавшихся вокруг Вены исследователей (Л. Витгенштейн, А. Тарский, Р. Карнап, М. Шлик, К. Поппер и Х. Райхенбах), положивших начало «логическому позитивизму» [Коффа, 2019, с. 8]. Таким образом, в настоящей статье предпринята попытка выявить ту роль, которую «семантический поворот» играет в современных дискуссиях о канонах в методологии истории философии.

Список литературы/ References

Берестов, И. В. (2018). Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть I: постановка проблемы. *Вестник Томского государственного университета*. Вып. 436. С. 69-81. DOI: 10.17223/15617793/436/8.

Berestov, I. V. (2018). Application of Walter Edelberg's Perspectivalist Semantics in the Methodology of the History of Philosophy. Part I: A Statement of the Problem. *Tomsk State University Journal*. Iss. 436. Pp. 69-81. DOI: 10.17223/15617793/436/8. (In Russ.)

Берестов, И. В. (2019). Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть II: Типы значений терминов. *Вестник Томского государственного университета*. Вып. 438. С. 62-73. DOI: 10.17223/15617793/438/8.

Berestov, I. V. (2019). Application of Walter Edelberg's Perspectivalist Semantics in the Methodology of the History of Philosophy. Part II: Types of Term Meanings. *Tomsk State University Journal*. Iss. 438. Pp. 62-73. DOI: 10.17223/15617793/438/8 (In Russ.)

Берестов, И. В. (2021). *Аргументация Парменида против множественности сущего в свете древнегреческих и современных концептуализаций*. Дис. ... д-ра филос. наук (на правах рукописи). Новосибирск. 409 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/e9c6f44b-4ac2-4911-bbbd-b0478a40a743> (дата обращения: 01.10.2025).

Berestov, I. V. (2021). *Parmenides' Argumentation against the Plurality of Beings in the Light of Ancient Greek and Modern Conceptualizations*. Doctor's thesis. Novosibirsk. 409 p. [Online]. Available at: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/e9c6f44b-4ac2-4911-bbbd-b0478a40a743> (Accessed: 01 October 2025). (In Russ.)

Берестов, И. В., Вольф, М. Н., Доманов, О. А. (2019). *Аналитическая история философии: методы и исследования*. Под общ. ред. М. Н. Вольф. Новосибирск: Офсет ТМ. xviii, 242 с.

Berestov, I. V., Volf, M. N., Domanov, O. A. (2019). *Analytical History of Philosophy: Methods and Studies*. Volf, M. N. (ed.). Novosibirsk. xviii, 242 p. (In Russ.)

Бетти, Э. (2011). *Герменевтика как общая методология наук о духе*. Пер. с нем. Е. В. Борисова. М. 143 с.

Betty, E. (2011). *Hermeneutics as a General Methodology of the Humanities*. Borisov, E. V. (transl.). Moscow. 143 p. (In Russ.)

Бивир, М. (2010). Роль контекстов в понимании и объяснении. *История понятий, история дискурса, история менталитета*. Под общ. ред. Х.Э. Бедекера. Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение. С. 112-152.

Bivir, M. (2010). The Role of Contexts in Understanding and Explanation. In Bödecker, H. E. (ed.) *History of Concepts, History of Discourse, History of Mentality*. Transl. from German. Moscow. Pp. 112-152. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2014а). *Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях: учебное пособие*. Новосибирск: РИЦ НГУ. 249 с.

Volf, M. N. (2014a). *Sophistics. Gorgias of Lentini: The Treatise "On the Non-Existent, or On Nature" in Modern Interpretations*. A Textbook. Novosibirsk. 249 p. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2014б). Трактат «О не-сущем, или О природе» Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: Условно-формальная структура и перевод. *ΣΧΟΛΗ (Scholē). Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 8. № 2. С. 152-169.

Volf, M. N. (2014b). Gorgias' "On Not-being or On Nature" in De Melisso Xenophane Gorgia, V-VI: Its Formal Structure and a Translation from Ancient Greek into Russian. *ΣΧΟΛΗ (Scholē). Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. Vol. 8. No. 2. Pp. 198-216. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2017). Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста. *Сибирский философский журнал*. Т. 15. № 2. С. 237-257. DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-3-237-257.

Volf, M. N. (2017). Contemporary Debates about the History of Philosophy: The Tug-of-War Between Text and Context. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 15. No 2. Pp. 237-257. DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-3-237-257. (In Russ.)

Вольф, М. Н., Берестов, И. В. (2020а). Сверхинтерпретация или апроприация? *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С. 58-68. DOI: 10.47850/RL.2020.1.1.58-68.

Volf, M. N., Berestov, I. V. (2020a). Overinterpretation or Appropriation? *Respublica Literaria*. Vol. 1. No. 1. Pp. 58-68. DOI: 10.47850/RL.2020.1.1.58-68. (In Russ.)

Вольф, М. Н., Берестов И.В. (2020б). Проблема в теории аргументации: можно ли убедить собеседника? (Коммуникативно-прагматическое решение). *ПРАΞΗΜΑ (Praxema). Проблемы визуальной семиотики*. № 4(26). С. 9-40. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-4-9-40.

Volf, M. N., Berestov, I. V. (2020b). The Problem in the Theory of Argumentation: Is It Possible to Convince the Interlocutor? Communicative-Pragmatic Solution. *ПРАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*. Iss. 4 (26). Pp. 9-40. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-4-9-40. (In Russ.)

Вольф, М. Н., Косарев, А. В. (2016). Неософистическая риторика в свете историко-философской методологии. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. Вып. 4(36). С. 225-233. DOI: 10.17223/1998863X/36/23.

Volf, M. N., Kosarev, A. V. (2016). Neo-Sophistic Rhetoric in View of the Methodology of the History of Philosophy. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. Iss. 4 (36). Pp. 225-233. DOI: 10.17223/1998863X/36/23. (In Russ.)

Коффа, А. (2019). *Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу*. Под ред. Л. Весселс. Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». 528 с. (Сер. Библиотека аналитической философии).

Koffa, A. (2019). *The Semantic Tradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station*. Wessels, L. (ed.), Tselischev, V. V. (transl.). Moscow. 528 p. (In Russ.)

Крафт, В. (2003). *Венский кружок. Возникновение неопозитивизма*. М.: Идея-Пресс.

Kraft, V. (2003). *The Vienna Circle. The Emergence of Neopositivism*. Moscow.

Кузнецова, Н. И. (2009). Презентизм и антикваризм – две картины прошлого. *Arbor Mundi*. Вып. 15. С. 164-197.

Kuznetsova, N. I. (2009). Presentism and Antiquarism – Two Pictures of the Past. *Arbor Mundi*. Iss. 15. Pp. 164-197. (In Russ.)

Кун, Т. (2009). *Структура научных революций*. Пер. с англ. И. З. Налетова. М.: АСТ. 317 с. (Впервые опубли. на англ. яз. в 1962 г.)

Kuhn, T. S. (2009). *The Structure of Scientific Revolutions*. Naletov, I. Z. (transl.). Moscow. 317 pp. (In Russ.)

Моисеева, А. Ю. (2016). Что нам дает концептуально-ролевая семантика? *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 2(34). С. 104-109. DOI: 10.17223/1998863X/34/12.

Moiseeva, A. Y. (2016). What Does Conceptual-Role Semantics Give Us? *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No 2(34). Pp. 104-109. DOI: 10.17223/1998863X/34/12. (In Russ.)

Уайтхед, А. Н., Рассел, Б. (2005-2006). *Основания математики*. В 3-х т. Под ред. Г. П. Ярового, Ю. Н. Радаева. Самара: Изд-во «Самарский университет». Т. 1. 722 с.; Т. 2. 738 с.; Т. 3. 460 с. (Впервые опубли. на англ. яз. в 1910–1913).

Whitehead, A. N., Russell, B. (2005-2006). *Principia Mathematica*. In 3 vols. Yarovoy, G. P., Radaev, Yu. N. (eds.). Samara. Vol. 1. 722 p.; Vol. 2. 738 p.; Vol. 3. 460 p. (In Russ.)

Флаш, К. (2009). Как писать историю средневековой философии? К дискуссии Клода Паначчио и Алена де Либера о философской ценности историко-философских исследований. *Логос*. № 4-5 (72). С. 224-246.

Flasch, K. (2009). How to Write the History of Medieval Philosophy? On the Discussion between Claude Panaccio and Alain De Libera on the Philosophical Value of Historical-Philosophical Research. *Logos*. No. 4-5(72). Pp. 224-246. (In Russ.)

Шиян, Т. А. (2025). Возникновение философии как проблема исследования культуры. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 99-116. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4. 99-116.

Shiyan, T. A. (2025). The Emergence of Philosophy as a Problem of Culture Studies. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 99-116. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4. 99-116.

Bekker, I. (ed.). (1831). De Xenophane, de Zenone, de Gorgia. In *Aristoteles. Aristotelis opera*. Berolini. Reimer. Vol. 2. Pp. 202-206.

Block, N. (1986). Advertisement for a Semantics for Psychology. In French, P. et al. (eds.). *Midwest Studies in Philosophy*. Vol. 10. Iss. 1. Minneapolis, MN. University of Minnesota Press. Pp. 615-678.

Block, N. (1993). Holism, Hyper-Analyticity and Hyper-Compositionality. *Philosophical Issues*. Vol. 3. Pp. 37-72. (Ser. Science and Knowledge)

Block, N. (1994). An Argument for Holism. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 94. Pp. 151-169.

Eco, U., Rorty R., Culler, J., Brooke-Rose, Ch., Collini, S. (ed.). (1992). *Interpretation and Overinterpretation*. Cambridge. Cambridge University Press. 151 p.

Esfeld, M. (1998). Holism and Analytic Philosophy. *Mind*. Vol. 107. No. 426. Pp. 365-380.

Esfeld, M. (2001). *Holism in Philosophy of Mind and Philosophy of Physics*. Dordrecht. Springer Science+Business Media. xiv, 366 p. (Synthese Library: Studies in Epistemology, Logic, Methodology, and Philosophy of Science. Vol. 298).

Field, H. (1978). Mental Representation. *Erkenntnis*. Vol. 13. No. 1. Pp. 9-61.

Fodor, J. A. (1973). *The Language of Thought*. New York. Crowell. x, 214 p.

Harman, G. (1973). *Thought*. Princeton (NJ, USA). Princeton University Press. 199 p.

Harrell, M. (1996). Confirmation Holism and Semantic Holism. *Synthese*. Vol. 109. No. 1. Pp. 63-101.

Heal, J. (1994). Semantic Holism: Still a Good Buy. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 94. Pp. 325-339.

Jackman, H. (1999). Moderate Holism and the Instability Thesis. *American Philosophical Quarterly*. Vol. 36. No. 4. Pp. 361-369.

King, P. (1995). Historical Contextualism: The New Historicism? *History of European Ideas*. Vol. 21. No. 2. Pp. 209-233.

Lærke, M., Smith, J. E. H., Schliesser, E. (eds.). (2013). *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. N. Y. Oxford University Press. 384 p.

Panaccio, C. (1994). De la reconstruction en histoire de la philosophie. In Boss, G. (éd.). *La philosophie et son histoire: essais et discussions*. Zürich. Éditions du Grand midi. Pp. 294-312.

Quine, W. V. O. (2013). *Word and Object*. Foreword by Patricia Smith Churchland; preface to the new edition by Dagfinn Føllesdal. Cambridge, Massachusetts; London, England. MIT Press. xxx, 277 p.

Randall, J. H. (1962). *The Career of Philosophy. Vol. I: From the Middle Ages to the Enlightenment*. New York. Columbia University Press. 983 p.

Sorell, T. (2005). On Saying No to History of Philosophy. In Sorell, T., Rogers, G. A. G. (eds.) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York. Oxford University Press. Pp. 43-59.

Сведения об авторе / Information about the author

Берестов Игорь Владимирович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: berestoviv@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0782-761X>.

Статья поступила в редакцию: 05.10.2025

После доработки: 30.10.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Berestov Igor – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: berestoviv@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0782-761X>.

The paper was submitted: 05.10.2025

Received after reworking: 30.10.2025

Accepted for publication: 10.11.2025